

BRILL

THE SOVIET AND POST-SOVIET REVIEW 42 (2015) 321-351

THE SOVIET AND
POST-SOVIET
REVIEW
brill.com/spsr

Русский оппозиционный внепарламентский национализм: все цвета спектра?

Sergey Alexeevich Sergeev, Dr. of Pol.Sc.

Kazan National Research Technological University,
Tatarstan, Russian Federation

AQ1

Abstract

This article examines various types of Russian oppositional extra-parliamentary nationalism from the 1990s to the 2010s, such as imperial national conservatism, monarchy-Black Hundreds nationalism, revolutionary nationalism, Russian Nazism, and National Democrats. It analyzes major Russian oppositional nationalist organizations as well as their transformations and evolution. The author gives particular attention to revolutionary nationalism (National Bolshevism) and National Democracy.

Keywords

Russian nationalism – revolutionary nationalism – National Bolshevism – national Democracy

Русский национализм возник не в 80-е гг. XX в. Первый русский национализм, как недавно показал А.А. Тесля – это классическое славянофильство 1840 – 1860-х гг.² Однако между ним и современным русским национализмом, который вызревал в 1960 – 1980-е гг., лежит пропасть. Разрыв приходится на 1930-е – 1950-е гг., когда была не только насильственным образом нарушена преемственность политических идей и движений, но и была существенно трансформирована вся социальная структура страны, все социальные, культурные и политические институты, так что изменились сами вопросы, которые ставит жизнь перед

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00223).

2 Тесля А.А. Первый русский национализм... и другие. – М.: Изд-во «Европа», 2014. – 280 с.

различными общественно-политическими течениями. В аналогичной же ситуации оказались, кстати, и анархизм, и либерализм, и большинство других политических идеологий и движений. Впрочем, следует согласиться с Д.Л. Бранденбергером, что использование сталинской пропагандой русских национальных героев и мифов в 1937–1953 гг. подготовило почву для националистических настроений впоследствии.³ Более того, одним из таких героев для русских националистов, начиная с 1960-х гг., становится сам Сталин, хотя утверждение Н. Митрохина, что «почти все русские националисты» признавали «заслуги» И. Сталина «по строительству Советской империи и в борьбе с евреями»,⁴ звучит чересчур категорично. Что же касается политики советского государства по отношению к русским националистам, то она, как было показано Н. Митрохиным, носила амбивалентный характер ввиду неоднородности партийно-государственного аппарата: националисты подвергались репрессиям со стороны КГБ и в то же время отдельные партийные функционеры оказывали им покровительство и даже использовать для пропаганды патриотизма.⁵

Теоретические рамки понятия «национализм» достаточно расплывчаты (не в последнюю очередь благодаря интенсивному исследованию этого понятия, начиная с 1920-х гг.). В самом общем виде национализм можно определить, вслед за Дж. Бройи и Э. Смитом, как идеологию, мировоззрение и политическое движение,⁶ имеющее целью обретение и поддержание автономии, единства и идентичности определенной социальной группы, называемой нацией,⁷ ставящее во главу угла понятие нации и заявляющее о том, что намерено служить интересам нации, всячески содействовать ее развитию и процветанию. В этом случае трудности определения национализма обходятся путем отсылки к понятию «нация», которое может пониматься в гражданском, этническом, религиозном и других смыслах. Так или иначе, «вопрос о том, насколько правомерно приравнивать нацию к группам, осознающим и разделяющим чувство

3 Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). – СПб.: Академический проект, Изд-во ДНК, 2009. – С. 298.

4 Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 159.

5 Там же, С. 19, 212–233, 350, 537–543, 549–550.

6 Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма / Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 201, 230.

7 Smith A.D. Nationalism and the historians // International Journal of Comparative Sociology. – 1992. – XXIII. – № 1–2. – P. 73.

национальной идентичности... чрезвычайно непросто».⁸ Этническая и гражданская нации и, соответственно, этническая и гражданская разновидности национализма, будучи резко противопоставлены друг другу как идеальные типы, на практике, как отмечал Э. Смит, часто сочетаются, переплетаются, и «конкретное национальное государство часто будет обнаруживать как этническую, так и гражданскую составляющие в форме своего национализма».⁹ В качестве рабочего определения нации для целей настоящей работы можно принять определение Э. Смита: «большая, связанная одной территорией группа, имеющая общие для всех ее членов культуру и разделение труда, а также общий кодекс юридических прав и обязанностей».¹⁰

Анализ и рассмотрение всех разновидностей русского национализма, появившихся и появляющихся в постсоветской России, – задача для монографического исследования. В данной же статье мы ограничимся теми течениями и организациями, которые находились или находятся в оппозиции. При этом оппозиция, вслед за Р. Далем, понимается как некий субъект, который не только не может определять политику правительства в той или иной области, но и противостоит данной политике.¹¹ Такое ограничение исследовательского поля представляется тем более правомерным, что ряд интегрированных во власть националистически настроенных идеологов и политиков сравнительно неплохо изучен. Так, например, взгляды идеолога неоевразийства А. Дугина (заявившего в 2007 г., что «противников путинского курса больше нет, а если и есть, то это психически больные, и их нужно отправить на диспансеризацию»¹²), подробно анализировались М. Ларюэлем, А. Умландом, А. Шеховцовым и др.¹³ Внепарламентские оппозиционные

8 Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма, С. 202.

9 Смит Э. Д. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – С. 385–386.

10 Smith A.D. Nationalism and the historians // *International Journal of Comparative Sociology*. – 1992. – XXIII. – № 1–2. – P. 73.

11 Dahl R. Preface / *Political Oppositions in Western Democracies* // R. Dahl (ed.). – New Haven & L.: Yale Univ. Pr., 1966. – P. XVIII.

12 Соколов М. «Путин абсолютен» // *Известия*. – 2007–5 октября.

13 Ларюэль М. Александр Дугин, политический путь и место в российской общественной жизни / *Русский национализм в политическом пространстве*. Сост. М. Ларюэль. – М.: Франко-Российской центр гуманитарн. и обществ. наук, 2007. – С. 122–136; Умланд А. Патологические тенденции в русском «неоевразийстве». О значении взлета Александра Дугина для интерпретации общественной жизни современной России // *Форум новейшей восточноевропейской истории и*

националистические организации исследовались в меньшей степени, и именно их разнообразию и их эволюции уделено основное внимание в данной статье.

Для типологизации русских оппозиционных националистов могут браться различные критерии. Прежде всего, это отношение к государству. Распространено представление, что русский националист, во-первых, этатист, сторонник «сильного» государства («державник»), и не просто сильного государства, а «сильной руки», т.е. недемократического, авторитарного или тоталитарного режима, и, во вторых, ксенофоб. В целом для основной массы националистических организаций и их сторонников это верно, хотя есть важные исключения. Не все русские националисты – державники. В последние годы появилось движение национал-анархизма (представленное, например, Русским Анархическим Союзом – РАС), впрочем, остающееся маргинальным. Также можно утверждать, что не все русские националисты сейчас – обязательно сторонники «сильной руки». В конце 2000-х гг. заявило о себе течение «национал-демократов», представленное Русским Гражданским Союзом и Русским Общественным Движением, объединившимися в 2012 г. в Национал-Демократическую партию.¹⁴ Что касается ксенофобии, то степень ее у сторонников различных националистических организаций варьируется: есть крайние и предельные степени ее выражения, наблюдающиеся у групп, открыто называющих себя национал-социалистами (Национал-социалистическое общество «Север»,¹⁵ NS/WP «Невоград»¹⁶ и т.п.), есть смазанные формы ее выражения у организаций, которых можно определить как национал-консерваторы («Народный Союз» С. Бабурина), есть, наконец, организации, агрессивность которых

культуры. – 2009. – № 2. – URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/zimos/forum/inhaltruss12.html>; Шеховцов А. Палингенетический проект неоевразийства: идеи возрождения в мировоззрении Александра Дугина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2009. – № 2. – URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/zimos/forum/inhaltruss12.html>.

14 Манифест о создании национал-демократической партии // Вопросы национализма. – 2012. – Июнь. – № 10. – С.3–5.

15 Пять пожизненных за 28 убийств. В Москве вынесен приговор членам «НСО-Север». – URL: <http://lenta.ru/articles/2011/07/12/nsoverdict>; Телегина Н. Зачем они убивают? История одной неонацистской банды. – URL: http://slon.ru/russia/zachem_oni_ubivayut_istoriya_odnoy_neonatsistskoy_bandy_1013711.xhtml.

16 Зея Н. Конец «белых воинов». В Санкт-Петербурге вынесли приговор боевикам неонацистской группировки NS/WP «Невоград». – URL: <http://www.gazeta.ru/social/2014/06/23/6082673.shtml>.

направлена в сторону правительства либо внешнего субъекта. Такова запрещенная в 2007 г. Национал-большевистская партия, которая охотно упоминает о наличии в своих рядах лиц разных национальностей и даже рас (афрولاتыш Айо Бенес – один из активистов НБП, а впоследствии «Другой России» в Латвии¹⁷), что, в свою очередь, вызывает недоверие к национал-большевику со стороны других, более ксенофобно настроенных националистических организаций.

Можно предложить и ряд других критериев, каждый из которых позволит построить определенную типологию русских националистов. Но, как представляется, одним из важнейших и наиболее глубоких критериев типологизации выступает готовность и намерение тех или иных националистических организаций ориентироваться в своей деятельности на те культурные и политические образцы, что так или иначе связаны с Россией (Русью, как любят подчеркивать сами националисты), русской традицией, с одной стороны, и Западом (Западной Европой, США), с другой. Последнее может показаться неким парадоксом: «вестернизированный» тип русского национализма! Однако такое разделение действительно существует: в то время как одни националисты и организации заявляют о приверженности национальной традиции (православие, самодержавие, русские князья и цари как образцы государственных деятелей), другие широко заимствуют символику, слоганы и идеологический инструментарий западноевропейских и американских ультраправых (наци-скинхэды), методы анархистов и «новых левых» («атаки моральных целей», широко практикуемые национал-большевиками в 1998 – 2004 гг.¹⁸) или даже, как национал-демократы, обращаются к идеям гражданского национализма и демократических ценностей (практикуя в то же время антимигрантскую риторику). Традиционалистов и «вестернизаторов» можно назвать соответственно «старыми» и «новыми националистами» (по аналогии со «старыми» и «новыми левыми»¹⁹), хотя к настоящему времени говорить о «новизне» новых националистов, появившихся в начале 1990-х гг., можно в весьма условном ключе.²⁰ Следует

17 Лимонов Э. Моя политическая биография. – СПб.: Амфора, 2002. – С. 171.

18 Там же, С.213–214.

19 Mills Ch. W. Letter to New Left // New Left Review. – 1960. – № 5. – September – October. – P.18–23; The New Left: A documentary History. Ed. M. Teodori. – L.: Jonathan Cape, 1970. – 481 p.

20 Одним из первых заметил появление «новых националистов» А. Дугин, считавший себя одним из идеологов «консервативной революции» в России (Дугин А. Новые против старых // Лимонка. – 1994. – № 1). См. также: Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. – С. 70–71.

подчеркнуть, что «вестернизированный» национализм в России – это отнюдь не либеральный западный национализм, опирающийся на гражданское общество и признающий права человека (противопоставляемый в духе Х. Кона органицистскому и авторитарному «восточному национализму»). Представители российского «вестернизированного» национализма могут ориентироваться на западноевропейских «новых правых» или даже подражать правоэкстремистским группускулам в Западной Европе и США.²¹

Важным дифференцирующим отличием российских националистов является разделение на «этнонационалистов», т.е. сторонников создания государства, в котором доминировала бы русская этнонация, и «имперцев», сторонников империи как большого мультиэтнического государственного образования, охватывающего (в разных вариантах) территорию бывшей Российской империи, СССР, или даже всю северную Евразию, включая Западную Европу (роман бизнесмена, бывшего вице-спикера Государственной думы М. Юрьева «Третья империя»²²). Аналогичные проекты выдвигались в 1990-е гг. и Национал-большевистской партией Э. Лимонова.²³

Возможно, выделение второй группы вызовет у кого-то недоумение: стоит ли относить «имперцев» к националистам вообще? Однако, как заметил А. Верховский, «само широкое распространение в современном националистическом жаргоне выражения «имперцы» явно указывает, что и сами русские националисты не отказались от такого классификационного признака».²⁴ По мнению ряда исследователей, целесообразно выделять, наряду с «обычным» этнонационализмом, который признает нацию самоценностью, также и национализм цивилизационный, при котором нация воспринимается прежде всего

21 Griffin R. From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right // *Patterns of Prejudice*. – 2003. – 37. – P. 27–50. «Группускула», согласно Р. Гриффину, есть малая автономная политическая группа, радикальная по своей идеологии и тактике.

22 Юрьев М.З. Третья империя. Россия, которая должна быть. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2006. – 640 с.

23 Программа Национал-большевистской партии (1994). – URL: <http://web.archive.org/web/20090307020935/http://nbp-info.com/cat106/index.html>.

24 Верховский А. Русское националистическое движение: 20 лет после Перестройки // *Eurasian Review*. – 2010. – Vol. 3. – November. – P. 16. – URL: <http://www.evrazia.or.kr/review/01Verkhovskii.pdf?PHPSESSID=6ef8dba2b846bd796afcbff7d8657e86>.

как носитель некоей мессианской идеи.²⁵ Он может иметь различные варианты, но в основе их всех лежит представление о том, что Россия или Русь – это особая цивилизация или особый мир, «русский мир», с уникальным путем развития, и в этом качестве она противостоит другим цивилизациям, в первую очередь Западу.

Совмещение двух критериев типологизации русских националистов позволяет получить матрицу, включающую четыре типа русского национализма (см. таблицу); необходимо оговориться, что типы эти являются «идеальными типами» в том значении, в каком это понятие употреблял М. Вебер, поскольку границы между этими направлениями в реальной жизни размыты.

	Традиционалисты («старые националисты»)	«Вестернизаторы» («новые националисты»)
«Цивилизационный национализм («имперцы»)	Тип I. «Имперский национал-консерватизм». В риторике – акцентирование значимости сильного государства («державы»), основанного на русских традициях. Монархизм, авторитаризм; ксенофобия несколько приглушена по сравнению с типами II и IV (партия «Народный Союз» С. Бабурина и ее предшественницы – «Российский Общенародный Союз» и «Народная Воля»).	Тип III. «Национал-революционеры». Странники «революции справа» или «консервативной революции», соединяющие консервативное стремление к авторитарному «порядку» с убеждением в необходимости революционного и активистского действия, опирающегося на массы. Ксенофобная риторика может как практически отсутствовать (у Национал-большевистской партии Э. Лимонова), так и носить ярко выраженный расистский характер (Фронт национально-революционного действия и партия «Национальный фронт» И. Лазаренко)

25 Там же, P.15–19. Также см.: Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. – С. 93–94.

	Традиционалисты («старые националисты»)	«Вестернизаторы» («новые националисты»)
Этнонационализм	<p>Тип II. «Черносотенный» и монархический национализм. Идеализация дореволюционной и допетровской России, авторитаризм, антисемитизм, использование символики, сходной с нацистской («Русское национальное единство» А. Баркашова, «Русский национальный союз» А. Вдовина и К. Касимовского, Народная национальная партия А. Иванова-Сухаревского и др.).</p>	<p>Тип IV. Сторонники национального государства русских. Степень ксенофобии и склонности к насилию может значительно варьироваться. Вид 1. «Русский нацизм». Открытое использование нацистской символики и агрессивной ксенофобской риторики, заимствованной у западных неонацистских и расистских групп, широкое применение физического насилия к оппонентам. Характерен для ряда групп наци-скинхэдов («Формат-18», Национал-социалистическое общество «Север», NS/WP «Невоград» и т.п.). Вид 2. «Национал-демократы». Подчеркивают возможность и желательность соединения русских национальных (этнических) интересов и демократии, отказ от жестких ксенофобных призывов (Русский Гражданский Союз А. Храмова, Национал-демократическая партия К. Крылова и др.)</p>

Все эти четыре типа русского национализма на протяжении последних 20–25 лет существовали, конкурировали друг с другом, претерпевали внутренние трансформации (так, например, антилиберальная и расистская партия «Национальный фронт», относимая нами к типу II, в

конце 2000-х гг. стала движением «Национально-Демократический Альянс», целью которого провозглашалось «создание русского демократического государства, которое решительно порвёт с евразийским имперским наследием, сделав выбор в пользу европейской культурно-цивилизационной идентичности, свободы и прогресса»²⁶). Таким образом, можно говорить о существовании в России целого спектра националистических организаций – от партий и движений национально-революционного толка, причудливо сочетающих «правую» и «левую» риторику, правую символику и левацкие акции, до партий и движений, ориентирующихся на европейских «респектабельных правых», с одной стороны, и откровенно нацистских и фашистских групп, с другой.

Рассмотрим процессы эволюции русского националистического движения в течение последних десятилетий подробнее.

Еще в начале 1980-х гг. в СССР сформировалась сеть групп, объединявших сторонников русского радикального националистического движения (часто вполне легально функционировавших в качестве «культурно-исторических клубов»). Наибольшую известность среди них получило любительское историко-литературное патриотическое объединение «Память», возникшее в 1982 г. и пользовавшееся покровительством Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). В 1984 г. в его деятельности стал участвовать художник и фотограф Дмитрий Васильев, который начал активно вести «антисоцинистскую пропаганду» (т.е. де-факто проповедовать антисемитизм) и вести борьбу с «сионско-масонским заговором». Возможно, что он пользовался при этом негласной поддержкой части московского партийного руководства.²⁷ В 1987 г. Д. Васильев организует первую в период перестройки не пресеченную властями демонстрацию за сохранение исторического облика Поклонной горы в Москве.

В 1988 г. патриотическое объединение «Память» преобразуется в Национал-Патриотический фронт «Память» (видимо, по аналогии с модной в тот момент тенденцией создания «народных фронтов»).

Начиная с 1987 г., НПФ «Память» переживает серию расколов: от нее отделились «Память» К. Смирнова-Осташвили, «Память» И. Сычева, «Память» Н. Филимонова, Русское национальное единство А. Баркашова,

26 Манифест Национально-Демократического Альянса. – URL: <http://nazdem.info/texts/83>.

27 Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России, С. 251.

«Черная сотня» А. Штильмарка и др.²⁸ Расколы были вызваны не столько идеологическими различиями (в большинстве случаев в идеологическом отношении эти организации были неотличимы), сколько изоляционистской и авторитарной политикой Д. Васильева, выразившейся в неучастии в избирательных кампаниях и отказе от сотрудничества с другими националистическими организациями. Постепенно НПФ «Память» деградирует, превращаясь в 2000-е гг. в памятник самой себе.

Партия «Русское Национальное Единство» (РНЕ) стала наиболее известной националистической организацией 1990-х гг. в России. РНЕ возникло после того, как заместитель Д. Васильева Александр Баркашов, руководивший силовыми подразделениями «Памяти», недовольный «бездействием» и «корыстолюбием» Д. Васильева, в начале 1990 г. вышел из «Памяти» вместе с несколькими десятками сторонников.²⁹

РНЕ отличалось от «Памяти» и прочих организаций, возникших в предшествующий период, совершенно новым паттерном коллективных действий: в противовес «Памяти», навсегда сохранившей черты дискуссионного клуба, РНЕ с самого начала имитировало структуру военного подразделения, его ядром были военные и сотрудники правоохранительных органов, бывшие и действительные. Его члены («соратники») носили черную униформу, проводя много времени за строевой подготовкой и упражнениями в стрельбе и предпочитая не собрания и дискуссии, а марши и патрулирование улиц в качестве дружинников. РНЕ контролировало разветвленную сеть охранных фирм, в которых работали его члены. В отличие от «Памяти», РНЕ имело независимые значительные источники финансирования и могло предложить своим членам не только способ проведения досуга, но и обучение или профессиональную занятость. После попытки проведения всероссийского съезда в 1999 г. РНЕ (вероятно, не без помощи властей) развалилось на несколько небольших организаций, которые маргинализировались и практически исчезли с политической авансцены (хотя региональные власти Татарстана, например, продолжали бороться с РНЕ и во второй половине 2000-х гг.).

Военизированная структура, черная униформа, символика в виде свастики, вписанной в восьмиконечную звезду, антисемитская риторика, – всё это делало РНЕ для внешнего наблюдателя почти эталонным образцом

²⁸ Там же, С. 132.

²⁹ Там же, С. 241.

явления, получившего название «русский фашизм».³⁰ Но было ли РНЕ фашистской или нацистской организацией в полном смысле слова, т.е. не просто подражающей каким-то элементам нацистской символики или риторики, а последовательно воспроизводящей мировоззрение и практику германского национал-социализма 1930-х гг.? М. Матил называет РНЕ «фашистской сектой».³¹ А. Умланд менее категоричен: называя РНЕ неонацистской организацией, он в то же время определяет подобный неонацизм как «миметический» (подражательный).³² А. Верховский высказывается также неоднозначно: хотя атрибутика и сугубо расистский подход к национализму сближают РНЕ с фашизмом, а в организационном аспекте РНЕ «подмяло под себя чуть ли не все ориентирующиеся на фашизм ультраправые расистские группировки», тем не менее фашистской или нацистской эту организацию назвать трудно.³³

Против того, чтобы использовать метафору «русский фашизм» применительно к праворадикальным движениям в современной России, включая РНЕ, энергично выступил М. Соколов. С его точки зрения, это не только малопродуктивно с академической точки зрения, но и вредно в практическом отношении, поскольку «моральная паника» в СМИ, с одной стороны, лишь повышает популярность РНЕ и подобных ей организаций, а, с другой, используется государством для подавления всякой, не только националистической, оппозиции.³⁴ Анализ дискурса РНЕ привел М. Соколова к любопытному выводу о том, что этническое в риторике РНЕ служит субституту классового. Обращение к языку этнических различий, по мнению М. Соколова, является реакцией

30 Shenfield S.D. *Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements*. – Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2001. – 336 p.

31 Матил М. Национализм и контркультура в постперестроечной России / Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). Сост. М. Ларюэль. – М.: Франко-Российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. – С. 95, прим.1.

32 Umland A. *Concepts of Fascism in Contemporary Russia and in West* // *Political Studies Review*. – 2005. – Vol. 3. – P. 39.

33 Верховский А. Русское националистическое движение: 20 лет после Перестройки, С. 7. Ср.: Верховский А., Папп А., Прибыловский В. *Политический экстремизм в России*, С. 44.

34 Соколов М. Изучая «русский фашизм»: несколько критических замечаний о дискуссии 90-х // *Русский национализм в политическом пространстве*. Сост. М. Ларюэль. – М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. – С. 30–53.

малообразованных и неквалифицированных социальных страт на культурное доминирование интеллектуалов и бюрократии, оставляющее мало шансов на политическое участие тем группам и слоям, которые располагают небольшим культурным капиталом.³⁵

Можно предположить, что РНЕ 1990-х гг. находилась в процессе эволюции от черносотенно-монархического национализма (тип II) к русскому нацизму (тип IV, вид 1), но процесс этот не был завершен.

Организации, относимые к «национально-революционному» типу, возникают на 1-2 года позже РНЕ. В 1991 г. студент И. Лазаренко основал «Союз Русской молодежи» (СРМ), в идейно-мировоззренческом отношении мало отличавшийся от «Памяти». Но в 1992 г. происходит размежевание с традиционными православно-монархическими организациями: СРМ принимает название Союз русской молодёжи – Национал-революционное действие (СРМ-НРД), а чуть позже переименовывается во Фронт Национал-Революционного Действия (ФНРД). Радикально меняется и идеология организации: православный фундаментализм и монархизм сменяют расизм и доктрина «национальной революции», которая понималась лидерами ФНРД как «революция белого человека», направленная на установление на планете господства белой расы.³⁶ В 1994 г. ФНРД еще раз переименовывается (в партию «Национальный фронт») и к концу 1990-х гг. исчезает с политической арены.

Если ФНРД был небольшой молодежной группой с нарочито шокирующей программой, промелькнувшей в политическом калейдоскопе 1990-х гг. и бесследно сгинувшей, то другая национал-революционная организация, Национал-большевистская партия (НБП), оставила более глубокий след в постсоветской политике.

Хотя при своем образовании в 1993 г. НБП была такой же небольшой радикальной группой, как Национал-радикальная партия, Национальный фронт, Праворадикальная партия и т.п., насчитывая несколько десятков человек, к концу 1990-х гг. она была одной из немногих радикальных организаций, имеющих отделения более чем в 50 субъектах Федерации, объединяя в общей сложности от 5 до 7 тысяч человек. Дерзкие акции, проводимые активистами НБП в конце 1990-х – начале 2000-х гг., не раз делали национал-большевиков центром общественного внимания. Именно активисты НБП, задолго до «узников Болотной», приняли на

35 Соколов М. Классовое как этническое: риторика русского радикально-националистического движения // Полис. 2005. – № 2. – С. 127–137.

36 Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России, С. 137–140.

себя первый удар крепнущего российского авторитаризма. В то же время, вероятно, именно у НБП российские официальные молодежные организации («Наши» и т.п.) позаимствовали стиль и методы проведения публичных акций.

Безусловно, главная роль в сохранении и расширении НБП принадлежит самому Э. Лимонову, личности неординарной, хотя и весьма противоречивой. Тем не менее НБП в 2001–2003 гг. смогла функционировать и осуществлять свои акции и в отсутствие Э. Лимонова, находившегося в местах заключения. Причины этого, как представляется, в следующем:

Во-первых, в поисках социальной базы для НБП Э. Лимонов сделал ставку на молодежь. «Россия страна старая. Каждый город давно поделен номенклатурой. Молодежи в своем городе места нет... Новизна нашей партии заключалась в том, что мы решили искать себе личный состав среди молодежной тусовки, а не среди тусовки местной оппозиции».³⁷ Таким образом, НБП стремилась позиционироваться как если не эффективный, то эффектный канал социальной мобильности для молодежи: «Революции всегда совершаются молодежью, реакция – работа среднего возраста и стариков».³⁸

Во-вторых, НБП удалось в условиях недоступности большинства обычных медийных каналов организовать свой канал, сориентированный именно на своего социального адресата. Газета «Лимонка», издающаяся НБП с 1994 г. с подзаголовком «Газета прямого действия», стала главной формой деятельности партии в 1994–98 гг. и основным инструментом партийного строительства. «Через несколько месяцев там, куда попадала «Лимонка», образовывался кружок, а потом и ячейка нацболов. Эти пацаны встречались, обговаривали газету, потом писали нам... Так появлялись у нас первые организации».³⁹

В-третьих, НБП стала центром притяжения многих деятелей российской контркультуры,⁴⁰ в частности, композитора-авангардиста С.

37 Лимонов Э. Моя политическая биография, С. 113, 118.

38 Лимонов Э. Другая Россия. Очертания будущего. – М.: Ультра Культура, 2003. – С. 46.

39 Лимонов Э. Моя политическая биография, С. 90.

40 Контркультура – совокупность символов, норм и ценностей, радикально противостоящих или отрицающих символы, нормы и ценности господствующей культуры (обычно с тех позиций, которые принято именовать «левыми»). Данное определение уточняет дефиницию контркультуры, предложенную Дж. Йингером: совокупность норм и ценностей группы, резко противоречащих нормам и ценностям, господствующим в обществе, частью которого эта группа является.

Курехина, поэтессы А. Витухновской, таких рок-музыкантов, как Е. Летов (рок-группа «Гражданская Оборона»), С. Троицкий (рок-группа «Коррозия Металла»), А. Непомнящий и др. И. Кукулин отмечал, что и партия, и газета «Лимонка» «с самого начала замышлялись не только как политические институции, но и как арт-проект».⁴¹ Это подтверждал и основатель НБП, говоря о том, что НБП – «в первую очередь культурное явление, а не политическое. Своеобразная эстетика бунта...».⁴² НБП удалось выработать и свой специфический культурный стиль: это худенькие, коротко остриженные ребята в черной одежде, которые «и похожи на общераспространенный тип городского парня-подростка: черные джинсы, ботинки, куртка, шапочка – и одновременно отличаются от этого типа крайним аскетизмом... никаких излишеств, ничего богатого или капризного в одежде».⁴³ Более того, Э. Лимонов замечает, что данный стиль не придуман, а сконструирован и адаптирован НБП из уже имеющихся образчиков культуры.

Культурный стиль, исповедуемый партией, неразрывно связан с ее идеологическими ориентирами (хотя последние вряд ли могли сыграть существенную роль в успехе НБП). В 1998 г. Э. Лимонов попытался охарактеризовать этот стиль более определенно, отталкиваясь прежде всего от того, чем этот стиль не является. Все политические силы России, смогшие создать собственные стили, так или иначе, по его мнению, воспроизводят уже имеющиеся образцы. Монархисты и черносотенцы ориентируются на 1913 год, Русское национальное единство А. Баркашова и Народно-республиканская партия Н. Лысенко – на гитлеровскую модель, штурмовиков 1920-х – 1930-х гг., В. Анпилов и «Трудовая Россия» «имели моделью советский строй последних лет сталинизма, 1945–1953 гг., для КПРФ идеалом несомненно являлся советский брежневский период, 1964–1980 гг.»⁴⁴ Конечно, можно не соглашаться с Э. Лимоновым

(Yinger J. M. Presidential address: countercultures and social change // *American Sociological Review*. – 1977. – Vol. 42. – № 6. – P. 833). По выражению Т. Розака, контркультура - культура, «радикально порывающая с нормами, принятыми в нашем обществе» (Roszak Th. *The Making of a Counter-Culture: Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition*. – N.Y., 1969. – P. 42).

- 41 Кукулин И. Реакция диссоциации: легитимация ультраправого дискурса в современной российской литературе / *Русский национализм: социальный и культурный контекст*. Сост. М. Ларюэль. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 303.
- 42 Лимонов Э. В плену у мертвецов. – М.: Ультра. Культура, 2002. – С. 333.
- 43 Лимонов Э. *Моя политическая биография*, С. 238–239.
- 44 Там же, С. 126, 169.

в частности, но в целом эти наблюдения достаточно интересны. При этом право считаться современной партией Э. Лимонов дает, разумеется, лишь НБП. «Мы создали свою партию на базе контркультуры и оппозиционной политики. Мы подобрали всех героев борьбы с системой, как левых, так и правых...».⁴⁵

Начиная с 1999 г., НБП меняет методы и характер своей деятельности. Теперь акцент был перенесен на совершение публичных акций, служащих информационными поводами и имеющих символический характер.

Акции, предпринимаемые активистами НБП, можно разделить на два основных вида. Во-первых, это «атака моральных целей», то есть публичное оскорбление политических и культурных деятелей: в них бросали помидоры и яйца, обливали майонезом или кетчупом, наносили символические пощечины букетом цветов. Все эти акции носили подчеркнуто ненасильственный характер: так, в качестве цветов специально брались гвоздики, а не розы, чтобы не оставить царапин и не дать оснований для возбуждения уголовного дела.⁴⁶

Если в 1999–2002 гг. «моральными целями» становились те политики и деятели культуры, которые, по мнению НБП, нанесли ущерб России и русскому народу (М. Горбачев, Н. Михалков), то с 2003 гг. акцент был перенесен на тех политиков и те институты, что являются частью политического режима или поддерживают его. Лишь во время избирательной кампании осени-зимы 2003 г. «моральным атакам» подверглись председатель ЦИК РФ Н. Вешняков, премьер-министр М. Касьянов, губернатор Санкт-Петербурга В. Матвиенко, партийные лидеры: В. Грызлов («Единая Россия»), В. Жириновский (ЛДПР), Г. Зюганов (КПРФ), А. Чубайс и Б. Немцов (Союз правых сил).⁴⁷

Второй вид акций НБП – символические «захваты» государственных или общественных помещений. Первоначально (1999–2000 гг.) они практиковались преимущественно в странах «ближнего зарубежья» (Севастополь, Рига).⁴⁸ Наиболее громкими акциями подобного рода в России, которые «приковали к себе зрачок мира», были захваты здания Министерства здравоохранения и социального развития в знак протеста против монетизации льгот (2 августа 2004 г.) и приемной администрации

45 Вероятно, современной в смысле «соответствующей сегодняшнему времени», т.е. «contemporary», но не «относящейся к эпохе современности, модерна или нового времени», т.е. «modern».

46 Лимонов Э. Моя политическая биография, С. 213.

47 Расстрельный список НБП // Лимонка. – 2003. – № 237.

48 Лимонов Э. Моя политическая биография, С. 214–217, 246–251.

Президента РФ (14 декабря 2004 г.) с требованием освободить арестованных участников акции 2 августа.

Параллельно происходили радикальные изменения в идеологии НБП: на протяжении 1990 – 2000-х гг. Э. Лимонов совершил как минимум два поворота, принципиальным образом меняющие позиционирование данной партии в политическом пространстве России.

Первоначально партия мыслилась ее основателями – Э. Лимоновым и А. Дугиным – как имперско-державническая. Целью провозглашается объединение всех русских в одном государстве с последующим созданием на базе русской цивилизации «гигантской континентальной Империи» от Владивостока до Гибралтара (национальную идентичность предлагается при этом определять не по крови и не по вероисповеданию, а по самосознанию). Но намерение установить «железный русский порядок» и поставить права нации выше прав человека соседствует в программе НБП 1994 г. с провозглашением полной свободы творчества («НБП твердо уверена, что культура должна расти как дикое дерево...» Делай, что хочешь» будет твоим единственным законом»), а заявление, что «НБП – за современность, модернизацию, авангард» плохо согласуется с утверждаемой в первом параграфе программы ориентацией на «традиционалистическое, иерархическое общество».49 Также, вероятно, оставлено намеренно неявным соотношение между национально-государственными и социалистическими тезисами программы, в целом мало напоминающей программу организации, чьей идейно-мировоззренческой основой является контркультура.

После своего ареста в 2001 г. Э. Лимонов, вероятно, разочаровался в возможности сотрудничества с национально ориентированной частью элиты. И вот в «Другой России» – наиболее политической и наиболее утопичной из всех своих книг – Э. Лимонов радикально пересмотрел мировоззренческие и идеологические установки НБП, сдвинувшись от «право-левого» державничества в сторону анархизма, сменив идеал «тотальной империи» на идеал «безгосударственного общества» с «войной всех против всех», отрицающему и городскую жизнь, и моногамную семью. «Основным принципом новой цивилизации должна стать опасная, героическая, полная жизнь в вооруженных кочевых коммунах, свободных содружествах женщин и мужчин на основе братства, свободной любви и общественного воспитания детей».50

49 Программа Национал-большевистской партии (1994). – URL: <http://web.archive.org/web/20090307020935/http://nbp-info.com/cat106/index.html>.

50 Лимонов Э. Другая Россия, С. 267.

Описание Э. Лимоновым «новой цивилизации» напоминает одновременно «пиратскую республику», махновское Гуляй-поле или постапокалиптический антураж «Безумного Макса-2»: «Вооруженные коммуны будут выглядеть как изначальные племена... Не следует бояться противоречий, которые могут возникнуть между вооруженными коммунарами, не следует бояться столкновений. Творческая агрессивность сепаратизмов предпочтительнее тюремного порядка глобализма».⁵¹

Связь этой «новой утопии» Лимонова с контркультурой очевидна. Их сближает акцентирование роли молодежи, маргиналов (он определяет их как «странных неустроенных людей, живущих на краю общества»), значение, которое придается сексуальной свободе. Но даже «сменив вехи», Лимонов не оставляет попыток «право-левого» синтеза: то место, которое в его утопии отводится «инстинкту агрессивности» (*fighting instinct*), обнаруживает ее внутреннюю связь также с крайне правыми и социал-дарвинистскими доктринами. Любопытно, что Лимонов, уже выйдя на свободу, не настаивал на принятии новой программы: старая программа-де уже стала святыней, поэтому ее необходимо сохранить, но ей можно давать самые различные интерпретации, и «Другая Россия» – одна из возможных интерпретаций.⁵² Тем не менее в 2004 г. новая программа НБП была принята. В ней почти ничего общего ни с идеями, высказанными в «Другой России», ни с предыдущей программой. Это программа демократической и социалистической организации, с явным оттенком эгалитаризма и популизма.⁵³

Вероятно, это программа отразила следующий поворот Э. Лимонова и НБП. Приглушив анархистские и националистические мотивы, НБП сближается с демократическими и левыми внепарламентскими организациями для борьбы против авторитаризма, за демократические гражданские свободы, создав коалицию «Другая Россия» (названную так по анализирувавшейся выше программной работе Э. Лимонова). В 2007 г. НБП была запрещена, и с этого момента национал-большевики действовали от имени коалиции «Другая Россия», а с 2010 г. – от имени партии «Другая Россия» (не зарегистрирована).⁵⁴

51 Там же, С. 269.

52 Лимонов Э. О практике и теории Партии и состоянии России // Лимонка. – 2003. – № 234.

53 Программа Национал-большевистской партии (2004). – URL: <http://web.archive.org/web/20090109190316/http://www.nbp-info.ru/cat107/index.html>.

54 Штыкина А. «Другая Россия» идет на выборы // Коммерсантъ. – 2010. – 30 июня.

Изменился и формат публичных акций: в 2005 – 2008 гг. НБП (с 2007 г. «Другая Россия») проводили несанкционированные уличные шествия под названием «марши несогласных», а с 2009 г. – митинги 31 числа каждого месяца, имеющего 31 день (это было названо «Стратегия-31»). Число 31 было выбрано потому, что право на свободу собраний и митингов закреплено в статье 31 Конституции РФ. Все эти уличные протесты собирали от нескольких сот до 2–3 тысяч человек, поэтому утверждение, что их участники пребывали в «политическом гетто», наверное, не будет чересчур категорическим. Однако эти шествия, митинги и пикеты почти неизменно вызывали резкую и ожесточенную реакцию власти: практически каждая из этих акций разгонялась силами милиции и ОМОНа, а их участники подвергались задержаниям и судебному преследованию по административным статьям. При всей иррациональности подобной реакции вполне возможно, что демонстративный силовой разгон акций внепарламентской оппозиции – вполне рациональная элитная стратегия. Само наличие в обществе организационно автономных групп, могущих выступать каналами антирежимной мобилизации, рассматривается внутренне неуверенной в себе правящей элитой в качестве «дамоклова меча».⁵⁵

Но, рассматривая эволюцию НБП в 2000-е гг., мы отвлеклись от ситуации в других частях националистического спектра. А она изменялась, и изменялась достаточно существенно. Во-первых, появилось движение скинхэдов, ставшее кадровым резервуаром для многих националистических организаций (в первую очередь нацистских или неонацистских, относящихся к 1 виду IV типа, но не только для них). Во-вторых, широко распространились настроения бытового национализма и ксенофобии. Эти тенденции, как будет показано ниже, тесно связаны между собой.

Если в 1995 г., по оценкам журналистов, в Москве насчитывалось всего около 150 «бритоголовых» (а в других российских регионах их численность была совсем ничтожной),⁵⁶ то уже в 2003 – 2004 гг. их общая численность в России достигла, по оценке эксперта по молодежным движениям А. Тарасова, 50 тыс. человек (в том числе в Москве и ближнем Подмоскowie 5–5,5 тыс., в Санкт-Петербурге – до 3 тыс.).⁵⁷ При этом следует отметить, что если в США, Великобритании, странах Западной

55 Гельман В. Порочный круг репрессий – URL: <http://slon.ru/blogs/gelman/post/403429>.

56 Невелев Д. Внимание: бритоголовые. Погружение в мир воинствующих маргиналов // Огонек. – 1995. – № 19. – С. 31.

57 Тарасов А. Наци-скины в современной России: доклад для Московского бюро по правам человека. – URL: www.scepsis.ru/library/id_605.html.

Европы движение скинхэдов приобрело расистский и ксенофобский характер лишь в начале 1970-х гг., а до того включало в себя афро-карибцев (выходцев из Вест-Индии) и испытало определенное культурное влияние с их стороны,⁵⁸ то в России движение скинхэдов сразу приобрело пронацистский характер, и наци-скины в нем неизменно доминировали. Иные направления, такие, как «красные скины» (RUSH – Red & Anarchy Skinheads), заявляющие о своей приверженности анархо-коммунизму, и более умеренные «SHARP» («Skinheads Against Racial Prejudices»), появились в России лишь в середине 2000-х гг. и менее заметны, чем наци-скины. А. Беликов оценивает долю «красных скинов» в скин-движении в 2–3 %.⁵⁹ На наш взгляд, это несколько заниженная оценка, но в целом преобладание наци-скинов в российском скин-движении бесспорно.

В чем причина такого взрывообразного роста популярности наци-скинов? А. Тарасов связывал его, во-первых, с экономическим спадом начала 1990-х гг. и развалом советской системы образования и воспитания,⁶⁰ обращая при этом внимание на классовый характер субкультуры. По его мнению, скинхэды – большей частью дети вновь образовавшегося слоя мелких предпринимателей,⁶¹ что неявно отсылает нас к распространенной в 1930 – 1950-е гг. концепции «фашизма среднего класса».⁶² Убедительного анализа социального происхождения скинхэдов при этом представлено не было. Во-вторых, рост численности скинхэдов А. Тарасов связал с «полицейским террором», последовавшим за политическим кризисом и введением особого положения в Москве в октябре 1993 г.; этот «полицейский террор», по мнению А. Тарасова, быстро принял расистский (антикавказский) характер.⁶³ Здесь другая неувязка: события, упоминаемые А. Тарасовым, отделяет от начала быстрого роста движения скинхэдов примерно пятилетний период.

58 Hebdige D. Subculture: the meaning of style. – L. & N.Y.: Routledge, 1987. – P. 54–59.

59 Беликов А. Антифа. Молодежный экстремизм в России. – М.: Алгоритм, 2012. – С. 19, 154–155.

60 Тарасов А. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхэды. Новая молодежная субкультура в России. – URL: www.scepsis.ru/library/id_115.html.

61 Тарасов А. Наци-скины в современной России: доклад для Московского бюро по правам человека. – URL: www.scepsis.ru/library/id_605.html.

62 Галкин А.А. Германский фашизм. – М.: Наука, 1989. – С.222; Lipset S.M. Political Man. – Garden City (N.Y.): Doubleday, 1960. – P. 174.

63 Тарасов А. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхэды. Новая молодежная субкультура в России. – URL: www.scepsis.ru/library/id_115.html.

Объяснение А. Верховского выглядит еще менее убедительным: по его мнению, скин-движение росло необычайно быстро, поскольку было не столько новым идейным веянием, сколько новой молодежной субкультурой, причем «выраставшей не на пустом месте, а в тесной связи с субкультурой футбольных фанатов». ⁶⁴ Но в лучшем случае это только часть ответа: да, субкультура, но далеко не все субкультуры, популярные на Западе, столь же успешно распространились и в России.

Ответ на вопрос о причинах быстрого распространения в России начала 2000-х гг. движения «бритоголовых», вероятно, тесно связан со второй тенденцией, отмеченной выше – ростом массовой ксенофобии на рубеже 1990-х и 2000-х гг. Именно изменение массовых настроений в российском обществе подхлестнуло и стимулировало движение «бритоголовых». Эти изменения были зафиксированы массовыми опросами ВЦИОМ и Левада-центра: согласно им, суммарный индекс поддержки лозунга «Россия для русских!» превысил 50 % в 1999 г. и с тех пор уже не снижался. ⁶⁵ (Под суммарным индексом поддержки здесь имеется в виду доля опрошенных, одоббивших этот лозунг как полностью, так и частично.) Конечно, этот лозунг можно понимать различным образом, но рост его популярности коррелирует с возрастанием ксенофобии.

Что же касается причин подобного изменения массовых настроений, то их, скорее всего, следует искать в атмосфере рессентимента – разочарования в либеральных реформах 1990-х гг. и зависти ко всем успешным и благополучным – от собственных сограждан до стран Западной Европы и США, которые стали в глазах российского обывателя главным источником его бед и злоключений. Наглядным же свидетельством «униженности и упадка» России для обывателя стало «засилье» мигрантов – выходцев из Средней Азии и Кавказа – на улицах российских городов. Они присутствовали на улицах российских городов и раньше, в советскую эпоху, но это присутствие не воспринималось столь остро. «Раньше русских уважали и боялись, а теперь просто презирают!» – рассуждал обыватель у себя на кухне; молодое же

64 Верховский А. Идейная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы, С. 14.

65 Так, в 2002 г. полностью или частично лозунг «Россия для русских» поддерживали 55 % опрошенных, в 2014 г. – 54 %; отрицательно («это настоящий фашизм») в 2002 г. отнеслись к нему 28 % опрошенных, в 2014 г. – 27 %. См.: Национализм, ксенофобия и миграция. Пресс-выпуск Левада-центра от 26.08.2014 – URL: <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya>.

поколение – «бриоголовые» – не рассуждали на кухне, а пытались «восстановить русский порядок» на улице.

При этом следует учесть, что настроения рессентимента создали общую социально-психологическую атмосферу. Дополнительными факторами, сформировавшими атмосферу ксенофобии в российском обществе, были социально-экономический кризис 1998 г. и начало второй чеченской войны в 1999 г.

Именно на фоне такой ситуации происходили наиболее громкие акции НБП 2002–2004 гг.

Продолжение роста ксенофобских настроений А. Верховский и другие эксперты связывают с тем, что «низовая, «кухонная» ксенофобия стала получать поддержку на уровне масс-медиа.⁶⁶ Изменения массовых настроений были замечены теми журналистами, политиками и активистами, кто давно хотел бы проявить собственные предрассудки или использовать чужие, но не делал этого, так как не хотел идти против большинства. В свою очередь, первые же шаги по легитимации ксенофобии, предпринятые этими людьми, закрепили выросший уровень последней. А уже вслед за этим многие смогли заметить, что то, что раньше было допустимо лишь на кухне или в устах заведомых радикалов, становится все более допустимым в мейнстриме. Так возникла своего рода спираль легитимации этноксенофобии и связанных с ней националистических идей, которая успешно функционирует до сих пор.

По данным организации «СОВА», в России, начиная с 2004 г., отмечается увеличение количества насильственных преступлений, совершаемых членами этнонационалистических группировок. В первую очередь совершаются нападения на людей «неславянской» внешности, а также на представителей тех молодежных субкультур, которых правые радикалы и националисты считают «предателями идей белой расы» (панки, готы, раста и др.).

В течение 2004 г. произошло 269 подобных нападений, 50 человек погибло. В 2006 г. – уже 588 нападений и 66 убийств, в 2007 г. – 716 нападений и 97 убийств. В 2008 г. уровень насилия со стороны правых радикалов и этнонационалистов по сравнению с предыдущим годом снизился, но оставался достаточно высоким, к тому же возросло количество летальных исходов: 615 нападений и 116 убийств. С 2009 г. количество инцидентов начало снижаться, хотя и в 2009 г. погибло не менее 94 и было ранено не менее 443 человек. Уровень насилия оставался

66 Верховский А. Идеиная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы, С. 20.

достаточно высоким и в 2010 г.: 453 пострадавших, из них 44 убитых. Заметно снизилось количество нападений лишь в 2011 г. (219 пострадавших, 26 убитых),⁶⁷ вероятно, как в связи с изменением политической ситуации, так и с тем, что наиболее участники наиболее активных неонацистских банд были арестованы и осуждены.

Так, в 2011 г. московский окружной военный суд рассмотрел дело «Национал-социалистической организации – Север». Пятнадцати подсудимым вменялось в вину совершение с осени 2007 г. по лето 2008 г. 27 убийств, в том числе 24 – по мотивам этнической и расовой ненависти. 13 подсудимых были приговорены к различным срокам заключения, в том числе пятеро – к пожизненному.⁶⁸

«НСО – Север» было создано на базе одной из московских ячеек более разветвленного и широкого объединения неонацистов, возникшего в 2004 г. и называвшего себя «Национал-социалистической организацией» (НСО). Оно имело ряд региональных ячеек в таких городах России, как Рязань, Самара, Мурманск, Санкт-Петербург, Нижний Новгород и др.; были у НСО и зарубежные представительства. Организация провозгласила своей целью построение русского национального государства на основе идеологии национал-социализма. При этом НСО действовало преимущественно легально: его участники принимали участие в выборах различного уровня (преимущественно муниципального), проводили пикеты и митинги, на которых распространялись неонацистские газеты, брошюры и книги.⁶⁹

Деятельность НСО как экстремистской организации была запрещена в 2010 г., через полтора года после ареста группы «НСО – Север».

В 2008 г. началась деятельность «Боевой организации русских националистов» (БОРН). В отличие от «НСО -Север», жертвами которой становились преимущественно мигранты, боевики БОРН выбирали свои жертвы, исходя из их общественной известности и политической конъюнктуры. Они расправились с рядом активистов движения «антифа» – Ф. Филатовым, И. Джапаридзе, И. Хуторским. 19 января 2009 г. были убиты

67 Лето 2012 г.: возвращение к пройденному. Под ред. А. Верховского, В. Альперович, Н. Юдиной. – URL: http://www.polit.ru/article/2012/09/26/Summer12_12-09-22.

68 Пять пожизненных за 28 убийств. В Москве вынесен приговор членам «НСО -Север». – URL: <http://lenta.ru/articles/2011/07/12/nsoverdict>. См. материалы судебного процесса над НСО-Север: Фальковский И. Незаметные убийства [документальный коллаж]. – М.: Common place, 2014. – 202 с.

69 Телегина Н. Зачем они убивают? История одной неонацистской банды. – URL: http://slon.ru/russia/zachem_oni_ubivayut_istoriya_odnoy_neonatsistskoy_bandy_-1013711.xhtml.

Ст. Маркелов, известный российский адвокат, моральный лидер движения «антифа», и журналистка «Новой газеты» А. Бабурова. Это политическое убийство имело большой резонанс, и версия о неонацистском следе была у следствия приоритетной. В ноябре 2009 г. исполнители убийства – Н. Тихонов и Е. Хасис – были задержаны, а в апреле 2011 г. суд присяжных приговорил Н. Тихонова к пожизненному заключению, а Е. Хасис к 18 годам лишения свободы.⁷⁰

Оставшиеся на свободе боевики БОРН совершили еще одно громкое убийство – судьи Мосгорсуда Э. Чувашова. Э. Чувашов дважды вел процессы неонацистских банд («Белые волки» А. Джавахишвили и Рыно-Скачевского), осудив их участников на длительные сроки лишения свободы. 12 апреля 2010 г. он был убит. Участники и организаторы этого убийства в 2012 – 2013 гг. были арестованы, а в 2015 г. осуждены на сроки от 24 лет до пожизненного заключения.⁷¹

Некоторые из членов БОРН входили в легальную националистическую организацию «Русский образ». На процессе 2015 г. выяснилось, что один из создателей «Русского образа» и БОРНа – Илья Горячев – одновременно сотрудничал с администрацией президента России, в частности, с В. Сурковым. При этом сам обвиняемый, категорически отрицая свою причастность к убийствам, свое прежнее сотрудничество с В. Сурковым охотно признавал.⁷²

Изменение массовых настроений в начале 2000–х гг. были отмечены теми журналистами и политиками, кто хотел бы создать организацию, идейная платформа которой основывалась бы на враждебном отношении к выходцам из других стран и в целом к лицам иной этнической принадлежности. В 2002 г. на базе группы, защищавшей местных жителей – участников беспорядков на этнической почве в Красноармейске (Московская область), возникло Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ).

Это движение имело три важных особенности. Во-первых, оно было организацией «одного требования»; сосредоточившись на противодействии

70 Туманов Г., Козлов В. Вскрытие БОРНа. «Лента.ру» изучила историю одной из самых агрессивных ультраправых группировок России. – URL: <http://lenta.ru/articles/2014/02/17/born/>

71 Афонский А. Фигуранты дела БОРН получили от 24 лет до пожизненного заключения. – URL: http://www.rapsinews.ru/judicial_news/20150421/273587891.html#ixzz3Zp4b1Fp4

72 Назарец Е., Мурадова М. Дело Горячева. Вердикт. – URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27126734.html>.

миграции, его руководство элиминировало большинство других политических требований. Во-вторых, в своей антимигрантской риторике ДПНИ старалось копировать легальные правые партии стран Западной Европы. При этом едва ли не впервые лидеры ДПНИ заявили о том, что их цель состоит в том, чтобы сделать Россию «нормальным, как у всех» этнонациональным государством.⁷³ В дальнейшем это требование – создание nation state русского народа – станет основным требованием национал-демократических организаций. В-третьих, ДПНИ – при всей ориентации на западные образцы правых партий – не стремилось стать партией, а претендовало на роль организации «зонтичного типа», объединяющей группы националистов самой различной идеологической ориентации, согласие между которыми требовалось только по одному пункту.

Локальный конфликт в г. Кондопога (Карелия) в августе-сентябре 2006 г. между местными жителями и выходцами с Кавказа, в большинстве своем этническими чеченцами, был использован лидерами ДПНИ для того, чтобы заявить о себе как о «выразителях интересов народа».⁷⁴

После этого известность и популярность ДПНИ заметно возросли как в среде скинхедов, так и в среде националистически настроенных политиков и журналистов. В поддержку ДПНИ в середине 2000-х гг. высказывались ряд видных политиков и публицистов: председатель сетевого Русского Общественного Движения (РОД) Константин Крылов, сопредседатель Консервативного пресс-клуба Егор Холмогоров, депутаты Государственной думы Андрей Савельев (фракция «Родина»), Николай Курьянович (исключенный за это В. Жириновским из ЛДПР). Снижается «порог восприятия» националистической и расистской риторики: многое из того, что в 1990-е гг. представлялось недопустимым высказывать публично, в начале 2000-х гг. проникает в медийный мейнстрим и выглядит там вполне обыденно.

Но, начиная с 2008 г., ДПНИ начинает испытывать серьезные внутренние трудности. Из руководства Движения вышел (в связи с уголовным преследованием) А. Белов, что было существенной потерей для организации. Численность организации также начинает снижаться.

Одновременно вытеснялось ДПНИ из сферы публичной политики: практически полный провал, по мнению Г. Кожевниковой, потерпели в 2009 г. попытки использования ею «кондопожской технологии» (перевод

73 Верховский А. Русское националистическое движение: 20 лет после Перестройки, С. 10.

74 Григорьев М. Кондопога: что это было. – М.: Европа, 2007. – С. 63.

бытовых конфликтов в этническое русло).⁷⁵ К тому же на место ДПНИ в политическом пространстве стал претендовать целый ряд националистических организаций: петербургское движение «Сопrotивление» (Р. Зенцов), начавшее создавать ячейки по всей России, движение «Русский образ» и др.

Но та специфическая молодежная среда, представлявшая собой смесь футбольных фанатов, скинхэдов и националистов, не контролировалась ни одной из этих организаций и плохо контролировалась властями. Достаточно было искры, чтобы эта среда пришла в движение, и этой искрой стало убийство футбольного болельщика Егора Свиридова уроженцами Северного Кавказа в Москве в декабре 2010 г. Товарищи убитого заподозрили милицию в потворстве убийцам (четверо из пяти участников напавших на Е. Свиридова были отпущены под подписку о невыезде) и призвали представителей всех фанатских клубов выйти на Манежную площадь. Кроме лозунгов, обращенных к властям и милиции по защите от этнической преступности, участники выкрикивали националистические лозунги и избивали случайно попавшихся людей «неславянской» внешности. Эксперт Московского Центра Фонда Карнеги Николай Петров отметил, что массовые беспорядки в центре Москвы свидетельствуют как о серьезном общественном недовольстве, так и о неповоротливости правоохранительных органов. «Власть в лице правоохранителей, во-первых, спровоцировала толпу молодежи откровенным нежеланием и неспособностью расследовать резонансное дело об убийстве; во-вторых, оказалась не готова решительно противостоять противоправным действиям этой толпы».⁷⁶

Непосредственным результатом волнений на Манежной площади стало запрещение в 2011 г. ДПНИ и «Славянского союза» как экстремистских организаций. После этого запрета лидеры ДПНИ и «Славянского союза» заявили о создании объединенной организации русских националистов «Русские» (этнополитическое объединение «Русские»).

На рубеже 2000 и 2010-х гг. в русском этнонационалистическом движении заявила о себе новая тенденция – национал-демократическая.

75 Кожевникова Г. Под знаком политического террора. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2009 году. – URL: <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/E4FA706>

76 Petrov N. Moscow riots: More to come? – URL: http://rbth.ru/articles/2010/12/16/moscow_riots_more_to_come05215.html.

Одной из первых национал-демократических организаций стало движение «НАРОД», основанное в 2007 г. С. Гуляевым и А. Навальным (впоследствии одним из лидеров протестного движения 2011 – 2013 гг.). В качестве главной цели оно провозгласило сохранение и развитие русского народа, но путь к этому лидеры движения видели в демонтаже клептократического режима и построении нового современного демократического государства. Националисты, разжигающие ксенофобию, объявлялись «национал-provокаторами».⁷⁷

В начале 2010 г. несколько бывших участников «Национального фронта» (И. Лазаренко, А. Широпаев и др.) провозгласили создание Национал-Демократического Альянса (НДА). Прежние расистские и имперские взгляды были ими радикально пересмотрены. Теперь они выступали не за империю белой расы, а за русское демократическое государство, которое должно представлять собой, по их мнению, федерацию семи русских национальных республик. С национальными республиками, входящими в состав РФ, предполагалось подписание нового федеративного договора. Республики Северного Кавказа, однако, к подписанию этого договора предполагалось не допускать. Политический режим новой Российской Федерации мыслился как демократический при жестком ограничении иммиграции из стран Кавказа, Азии и Африки и упрощении въездных и миграционных требований для граждан ЕС и США.⁷⁸

Национал-Демократический Альянс непродолжительное время принимал участие в коалиции «Другая Россия». Предполагалось присоединение к этой коалиции и движения «Народ», но этого не произошло.

Прежние представления о русском националисте как о стороннике авторитаризма, угрюмом антилиберале и антизападнике начали уходить в прошлое. Национал-демократия стала на короткое время модой в русском националистическом движении.

В ноябре 2010 г. выходцами из ДПНИ А. Сусовым и А. Храмовым было создано движение «Русский Гражданский Союз» (РГС). Основные принципы, заявленные в манифесте о его создании, так или иначе перекликаются с идеями, высказанными в программных заявлениях движения «НАРОД» и НДА: демократическое государство, свободные и

77 Манифест Национального русского освободительного движения «НАРОД». – URL: <http://www.apn.ru/publications/article17321.htm>.

78 Манифест Национально-Демократического Альянса. – URL: <http://nazdem.info/texts/83>.

честные выборы, ограничение миграции. Некоторые из идей национал-демократии были обоснованы в Манифесте РГС подробнее. Так, обосновывалось создание русской политической нации, которая не идентична русскому народу, но в то же время строится «на базе русского этнического ядра». Об удалении северокавказских республик из состава России не говорилось прямо, но подчеркивалась необходимость поэтапного сворачивания дотирования северокавказских республик, пересмотра их границ с целью выделения приграничных районов с преимущественно русским населением и усиления контроля на границах этих республик. Основатели РГС осудили традиционно ассоциируемые с русским национализмом фашизм, нацизм, расизм, религиозный фундаментализм и средневековый клерикализм, противопоставив им демократическую националистическую традицию, выразителями которой, по их мнению, были новгородское вече, казаки, декабристы и др.⁷⁹ Один из основателей РГС назвал этнонационалистическую литературу и пропаганду «на 90 % агрессивным хламом и макулатурой», заявив, что русский этнонационализм за 20 лет не добился «практически никаких успехов, затянув русское движение в болото маргинальщины».⁸⁰ В то же время нельзя не видеть и внутренние противоречия манифеста РГС. Осуждая расизм, его авторы не скрывают намерения оказывать защиту и поддержку прежде всего этнически русским, в т.ч. и русской диаспоре; статус российских этнических меньшинств, не желающих входить в «русскую политическую нацию» и ассимилироваться, остается неясен. В манифесте говорится лишь о том, что их права будут учитываться (заметьте, не соблюдаться, а учитываться) «в соответствии с международными соглашениями».⁸¹

Позже, в марте 2012 г. две крупные национал-демократические организации – Русский Гражданский Союз и Русское Общественное Движение – объединились в Национал-Демократическую партию. В «Манифесте о создании национально-демократической партии» подтверждены неприятие авторитарных и диктаторских форм правления, приверженность демократии, понимаемой как ответственность власти перед обществом при соблюдении основных демократических прав и

79 Манифест об образовании Национал-демократического движения Русский Гражданский Союз. – URL: <http://www.apn.ru/special/article23357.htm>.

80 Сусов А. Национал-демократия – шаг навстречу национальной свободе. – URL: <http://www.apn.ru/publications/article23430.htm>.

81 Манифест об образовании Национал-демократического движения Русский Гражданский Союз...

свобод, и приверженность жесткой миграционной политике.⁸² При этом авторы манифеста пытаются сочетать демократические принципы с этноцентристским пониманием роли и значения русского народа: «Россия должна стать родным домом для всех русских»⁸³ (а для других народов России?).

В декабре 2011 г., после выборов в VI Государственную думу, в России начались массовые протестные выступления под лозунгом «За честные выборы!» В ходе этих выступлений стихийно сложилась коалиция либеральных, левых, гражданских и националистических организаций. В шествиях и митингах протеста принимали участие такие националистические движения и партии, как «Другая Россия», «Русские», «Русский Гражданский Союз», «Русское Общественное Движение», «Русский Образ» и др. В некоторых городах национал-демократы были организаторами протестных митингов (например, «Казанский гражданский Союз» в Казани⁸⁴). Представители националистов (5 человек) были избраны в Координационный Совет российской оппозиции (выборы в него проходили как по общему списку, так и по идеологическим «куриям»: либералы, левые и националисты). Социолог Л. Бызов отметил, что на стороне оппозиции оказались преимущественно те националисты, которые выступают за отказ России от ее имперско-державной роли (правда, трудно согласиться с тем, что он именует их «левыми» и «революционными» националистами; национал-демократы, например, сторонники рыночной экономики и обеспечения прав собственности⁸⁵), а сторонники «цивилизационного национализма» оказались на стороне власти.⁸⁶

Сторонники националистических организаций представлены и среди «узников Болотной», хотя и в меньшей степени, чем левые: из 33 обвиняемых в участии в беспорядках 6 мая 2012 г. на Болотной площади националистов трое (это национал-демократы Ярослав Белоусов и Илья Гущин, а также участник движения «Русские» Рихард Соболев). Еще один из фигурантов «болотного дела – Олег Мельников – участвовал в акциях

82 Манифест о создании национал-демократической партии // Вопросы национализма. – 2012. – Июнь. – № 10. – С. 3–5.

83 Там же, С.3.

84 Сергеев С.А. Эволюция протестного движения в Республике Татарстан: 2005 – 2011 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Теория и практика. – 2012. – № 6 (20). – Ч.2. – С. 171–174.

85 Манифест о создании национал-демократической партии, С. 4.

86 Бызов Л. Политические цвета новорусского протеста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 1. – С. 31.

националистов, но себя националистом не считает. Для сравнения отметим, что активистов левых организаций среди обвиняемых по этому делу 9 человек, гражданских активистов – 5, активистов либеральных организаций – 5, рядовых граждан – 10.⁸⁷

Альянс либералов, гражданских активистов, левых и националистов был с момента его возникновения головной болью для властей (хотя, скорее всего, не меньше беспокоила российские власти стабильная поддержка протестной коалиции значительной частью российского населения: по данным Левада-центра, даже в 2013 г., когда открытое протестное движение затихло, оппозицию, согласно опросам Левада-центра, были готовы поддержать до трети опрошенных.⁸⁸ Но весной 2014 г. социальная база российской внепарламентской оппозиции рассыпалась: свыше 80 % опрошенных поддержали «новый крымский курс» В. Путина. Вполне возможно, что резкое изменение внешнеполитического курса России и имело одной из скрытых целей консолидацию большинства населения России вокруг фигуры ее президента. Скорее всего, предполагалось также, что националисты, замороженные имперским блеском, перейдут из лагеря оппозиции на сторону власти. Отчасти эти ожидания оправдались: Э. Лимонов и «Другая Россия» безоговорочно поддержали украинскую политику В. Путина, поддержали ее и национал-демократы, не говоря уже о таких «цивилизационных националистах», как А. Дугин и Е. Холмогоров. Но поддержка эта не была полной; националисты раскололись, и, в частности, многие из руководителей движения «Русские» относятся к попыткам имперского расширения России как минимум скептически. Более того, раскол между различными националистическими организациями оказался настолько глубок, что некоторые из их активистов оказались в буквальном смысле слова по разные стороны фронта: одни отправились как добровольцы на поддержку Донецкой и Луганской народных республик, другие – также как добровольцы – вступили в украинские добровольческие батальоны, чтобы помочь Украине отстоять ее территориальную целостность.⁸⁹ Так или иначе,

87 Подсчет произведен на основании данных сайта «Росузник». См.: <http://rosuznik.org/arrests>.

88 См., напр.: Поддержка митингов и желание участвовать в них растут. – URL: <http://www.levada.ru/29-01-2013/podderzhka-mitingov-i-zhelanie-uchastvovat-v-nikh-rastut>.

89 Ващенко В. «Проявлений русофобии не замечал». Российские националисты воюют по разные стороны от линии огня в Донбассе. – URL: <http://www.gazeta.ru/social/2015/05/21/6696285.shtml>.

российские националисты в настоящее время глубоко расколоты, и трудно сказать, как скоро этот раскол будет преодолен.

Однако влияние русского национализма, именно внепарламентского и оппозиционного русского национализма, на ситуацию в России в 2014–2015 гг. в целом и на политику Кремля в частности, еще предстоит оценить в полной мере. Пока же можно заметить, что и поведение российской власти, и ее риторика в эти годы характеризуются несомненным усилением влияния идей русского оппозиционного национализма. Один из создателей БОРНа и «Русского образа» И. Горячев заявил на судебном процессе, что сегодня телеканал «Россия-1» говорит то же, что в 2008 году говорил «Русский образ».⁹⁰ Проект создания «революционной базы» в сопредельном с Россией районе соседнего государства, населенном преимущественно этническими русскими, который стал одной из причин осуждения Э. Лимонова в 2001 г., не может не напомнить ЛНР и ДНР.

Но в то же время вся длительная история взаимоотношений российской власти и русских националистов говорит о том, что националистические идеи были для власти не более чем инструментом для решения конкретных политических задач, а сами националисты – «расходным материалом». Власть может заимствовать их риторику, их идеи и концепции, отодвигая при этом их авторов в сторону (как РНЕ или блок «Родина») или отправляя в тюрьму (как Э. Лимонова или И. Горячева).

Подводя итоги, следует отметить, что русский национализм, развиваясь в течение последних 25 лет, проявил себя как весьма разнородное и в организационном, и в идеологическом отношении движение. Появившись как подражание дореволюционной «черной сотне», православному и монархическому движению, он достаточно быстро разделился на национализм имперский, или цивилизационный, и этнонационализм, ставящий целью создание государства русской этнической нации. Но это разделение было далеко не единственным. В стилевом отношении наибольшее различие сохраняется между национализмом, стремящимся следовать тому, что признается «исконно русской традицией», и национализмом, ориентирующимся на западные образцы национализма, радикализма и расизма. Сочетание «цивилизационного» национализма и заимствование западных радикальных практик породили национал-большевизм, бывший заметным явлением российской политической сцены второй половины 1990-х – первой половины 2000-х гг. Русский

90 Назарец Е., Мурадова М. Дело Горячева. Вердикт. – URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27126734.html>.

национализм мог принимать весьма агрессивный и опасный характер, а мог, порвав с антилиберализмом и антизападничеством, стремиться к построению русской политической нации и требовать демократических реформ. Это могло бы способствовать созданию в России со временем системной националистической партии, но события на Украине глубоко раскололи националистический лагерь. В то же время идеи «цивилизационных», или имперских националистов о «русском мире» были использованы российскими властями для обоснования своей новой внешней политики.

Author Query

AQ1: Please provide E-mail Address.